

О.О. Резвова
(Могилев, Беларусь)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

В статье уделяется некоторое внимание эстетике романтизма и постмодернизма. Рассматриваются фольклорные заимствования. Приводятся примеры из произведений Р. Бернса, Дж. Барнса.

Для романтизма характерны яркие картины природы, жизни, быта и нравов народа. Романтики искали черты, составляющие первооснову национального духа. Национальная самобытность проявляется прежде всего в устном народном творчестве. Этим объясняется интерес романтиков к фольклору. Из фольклорных произведений романтики заимствовали сюжеты, мотивы, образы, символы, приемы и т. п. Были созданы произведения в традиционных фольклорных жанрах: песни, баллады, сказки и др.

Для английской литературы эпохи романтизма было характерно преобладание лирических форм, а не прозаических. Поэзия этого периода отличалась особой

эмоциональностью и фантастичностью, игрой воображения. Следуя фольклорной традиции, романтики часто персонифицировали природу.

В английском романтизме явно присутствовала национальная традиция фантастико-утопического, аллегорического отображения жизни, причем возвышенное не всегда понималось как исключительное. Оно (возвышенное) раскрывалось в простом, обыденном [1, с. 163].

Обращение Роберта Бернса к фольклору обусловлено, с одной стороны, крестьянским происхождением поэта и его патриотическими чувствами, а с другой стороны, – влиянием романтизма, стремящегося к сохранению национальной культуры. Важное место в творчестве поэта занимали собирание, обработка и подготовка к печати шотландского фольклора. Многие его стихи, связанные с песенной или плясовой народной культурой, положены на музыку. Поэт написал более 400 стихов-песен.

В основу стиха-песни «Макферсон перед казнью» (“MacPherson’s Farewell”) легла старинная шотландская баллада. Джеймс Макферсон (реальное лицо) был предводителем банды в северо-восточной Шотландии, терроризировавшей крестьян, угонявшей скот. Макферсон был повешен в ноябре 1700 на рыночной площади. По пути на эшафот преступник проявил незаурядное самообладание. Он пел песню собственного сочинения, приплясывая и аккомпанируя себе на скрипке [4, с. 381]. Этот эпизод и стал предметом поэтизации в народных балладах, прославивших таким образом его имя. Бернс тоже изображает сцену прощания преступника с жизнью, который не теряет присутствия духа даже в свой последний час:

<i>Sae rantingly, sae wantonly</i>	<i>Так весело,</i>
<i>Sae dauntingly gae'd he.</i>	<i>Отчаянно</i>
<i>He play'd a spring, and danc'd it round</i>	<i>Шел к виселице он.</i>
<i>Bellow the gallow-tree</i>	<i>В последний час</i>
[2, с. 218].	<i>В последний пляс</i>
	<i>Пустился Макферсон</i>
	[2, с. 219].

В числе легенд, анекдотических случаев, заимствованных Бернсом, было предание о фермере Дугласе Грэме О'Шентере. Однажды, изрядно напившись в кабаке, фермер не заметил, как мальчишки выдрали хвост у его кобылы. Чтобы оправдаться перед своей скандальной женой, О'Шентер выдумал небывлицу о встрече с чертями и ведьмами [4, с. 385]. Это предание легло в основу произведения «Тэм О'Шентер. Повесть в стихах» (“Tam O'Shanter. A Tale”). Тот факт, что Роберт Бернс выбрал шотландский диалект в качестве языка создания своей поэмы, ещё раз подчеркивает глубинную связь данного произведения с народной традицией.

Уже в эпиграфе мы встречаемся с типичными представителями шотландского фольклора «фейри» в виде брауни и боглов:

Of Brownies and of Bogillis full of this buke [2, с. 412].

В этой книге много Брауни и Боглов (перевод мой. – О.Р.).

Упоминание мифических существ позволяет с самого начала произведения создать атмосферу сказочности и мистицизма, что является отличительной чертой романтизма.

Известный фольклорный прием персонификация природы очевиден в произведении «Джон Ячменное Зерно» (“John Barleycorn”). Джон Ячменное Зерно – это фольклорный персонаж, который является персонификацией алкогольного опьянения. Джон олицетворяет зерновые урожаи ячменя, а также пиво и виски, которые варятся из него. С одной стороны, баллада Бернса «повествует о народном герое – Джоне Ячменное Зерно, которого пытаются и избивают, но он не сдается своим врагам (трем королям). С другой стороны, Джона можно трактовать как ячмень, а все пытки над ним – это процесс варения пива» [5, с. 359]. В данном случае поэт в аллегорической форме изобразил борьбу шотландского народа с его противниками.

Фр.В. Шеллинг в «Философия искусства» (работе весьма значимой для романтизма) писал: «Всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию» [Цит. по 3, с. 19]. Романтики стремились создать свою аллегорическую конструкцию двоемирия (мира мечты и мира обыденности), используя фольклорный материал.

Займствования в произведениях, относящихся к эстетике постмодернистского письма, способствуют не конструированию, а деконструкции. Под деконструкцией можно понимать разрушение старых и создание новых бесконечных смыслов. Это приводит к восприятию мира как хаоса, что весьма характерно для постмодернистского типа художественного сознания. Для постмодернистского текста характерна явно выраженная интертекстуальность, способность ссылаться на бесконечные произведения культуры, факты истории и т.п. Влиятельный теоретик постмодернизма Р. Барт утверждал: «Текст – это раскавыченная цитата», «текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [Цит. по 7, с. 259]. В соответствии с общепринятой терминологией постмодернизма «текстом» может быть названо произведение любого жанра. Текст изобилует заимствованиями из разных сфер, в том числе и из фольклора.

Известный британский писатель Джулиан Барнс в своем романе «Дикобраз» (“Porcupine”) заимствует миф о Георгии, поражающем дракона. Роман повествует о суде над Петкановым, свергнутым коммунистическим лидером выдуманной страны бывшего соцлагеря. В качестве прокурора выступает новоиспеченный демократ Солинский. «Сам судебный процесс является пародийной аллюзией на вышеупомянутый миф. Барнс акцентирует аллюзивную связь между претекстом и посттекстом (мифом и романом), упоминая о карикатуре, на которой Солинский изображен в виде легендарного Георгия, побеждающего «дракона» Петканова» [6, с. 106]. Финал текста открыт для множества интерпретаций, читатель должен сам решить, кто является драконом, а кто – воином.

Таким образом, фольклорные заимствования в произведениях разных направлений могут выполнять различные функции (конструировать или деконструировать смыслы).

Список литературы

1. Аникин, Г.В. История английской литературы / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская. – М. : Высш. шк., 1985. – 431 с.
2. Бернс, Р. Стихотворения : сборник / сост. И. М. Левидова. На англ. и русск. яз. / Р. Бернс. – М. : Радуга, 1982. – 705 с.
3. Зверев, А.М. Величие Блейка / А.М. Зверев // Блейк У. Избранные стихи. Сборник. Сост. А.М. Зверев. На англ. и русск. яз. – М. : Прогресс, 1982. – С. 5–33.
4. Морозов, М. Примечания / М. Морозов // Роберт Бернс в переводах С. Маршака. – М. : Государственное издательство художественная литература, 1959. – С. 3–107.
5. Резвова, О.О. Фольклорные заимствования в поэзии английских романтиков / Резвова О.О., Булова Н.И. // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сборник научных статей по материалам V международной научной конференции, 27–28 октября 2017 г. / МГУ имени А.А. Кулешова ; редкол.: Е.Е. Иванов [и др.]. – Могилев, 2018. – С. 358–362.
6. Резвова, О.О. Интертекстуальные связи в романе Дж. Барнса «Дикобраз» / О.О. Резвова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 1999. – № 2-3(9). – С. 100–107.
7. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.